

ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
Мирводы Татьяны Александровны
на тему: «Поэтика современного детского “страшного” рассказа
в устной традиции и сети Интернет»
по специальности 10.01.09 – «Фольклористика»

Детский фольклор – важнейшая часть фольклорной традиции, древняя, имеющая архаичные мифологические истоки – и вместе с тем современная, актуальная, чутко и быстро реагирующая на все изменения в социуме, культуре, технологиях. Как нельзя «отменить», «пропустить» само детство, так невозможно быть совсем непричастным детскому фольклору, этому универсальному «языку» культуры, благодаря которому разные поколения понимают друг друга. В этом смысле любая новая работа о детском фольклоре имеет не только филологическую, но и общегуманитарную, и психолого-педагогическую актуальность и значимость. Исследование же динамики традиции, ее синхронного среза, новых специфических форм и способов ее функционирования, сопоставление традиционного и современного актуально вдвойне. Тем более когда речь идет о такой универсальной категории культуры вообще и детской в особенности, как «страшное», ужасное, и ее вечном спутнике – категории смешного. В свете сказанного тема диссертационного исследования, избранная Татьяной Александровной Мирводой, представляется нам чрезвычайно **актуальной**, а проделанная ею основательная систематизаторская и аналитическая работа (отметим сразу) – своевременной, восполняющей существенный пробел в фольклористических изысканиях, открывающей новые перспективы.

Автору рецензируемой диссертации удалось собрать, систематизировать и изучить огромный пласт фольклорного материала детско-подростковой традиции, связанного с категорией «страшного», как бытующего устно (в первой главе

работы), так и функционирующего в пространстве Интернет (во второй главе). Интересно и ценно для фольклористического исследования, что автор в ряде случаев опирается и на свой опыт, причем не только полевой (включенное наблюдение, экспериментальное анкетирование), но и подростковый – как носителя традиции, поверяя свои научные положения практикой, что еще больше обеспечивает их **достоверность**. Введение в научный оборот новых материалов, неизученных сетевых источников, сама новизна постановки вопроса о сравнении устного и сетевого близкого и смежного фольклорного материала определяет безусловную **научную новизну** работы.

Собрана и тщательно изучена и имеющаяся литература по теме, насчитывающая более 250 исследований на русском, славянских и европейских языках. Во многом подводятся итоги достаточно противоречивых изысканий, учитывается всё ценное, многое критически переосмысливается, обозначены пробелы и проблемные точки в теории и полевой практике.

В **первой главе** работы предпринята успешная попытка построения единой жанрово-видовой системы детского «страшного» повествовательного фольклора, вполне убедительно трактуемого как целая область, а не отдельный жанр «страшилка» в его разновидностях. Плодотворной видится нам попытка разработать новый указатель персонажей и сюжетов этой области прозаического фольклора (подпараграф работы 1.1.6), представленный в работе пока в «рамочном» виде, как модель, требующая отдельных исследовательских усилий по наполнению – это не формальная, а конкретная перспектива проведенного исследования.

Автору диссертации удалось представить в цельном, системном виде своеобразный феномен «вызывания» (параграф 1.2) – детский магически-игровой ритуал и связанные с ним нарративы, хотя и существующий в устной традиции уже около полувека, но обделенный вниманием исследователей.

Что же касается **второй главы** – о детском «страшном» фольклоре в Интернете и «страшном» интернет-фольклоре (автор справедливо разграничивает эти понятия), – то она еще более новаторская. Исследование наглядно показывает,

что фольклорное поле в наши дни вышло в безграничные просторы сети (одна лишь характеристика ресурсов со «страшным» фольклором занимает около 10 страниц), но во многом мы имеем дело с причудливыми модификациями устной традиции, пародиями на нее и даже пародиями на пародию.

Научные положения, общие и частные выводы, сформулированные в диссертации, **обоснованны и достоверны**, подкреплены серьезным анализом широкого круга материала, привлеченного в вариантах. Особенно нам импонируют наблюдения и тезисы автора диссертации об отсутствии границы между деревенской и городской традиционной устной прозой детей, о размытости границы между детским, молодежным и «взрослым» современным фольклором, что ярко проявляется в сети, о своеобразном диалоге англоязычной и русскоязычной культур, в том числе обмене этническими стереотипами, на материале переводов и переделок «страшного» сетевого фольклора.

В целом рецензируемая работа – вполне самостоятельное, цельное, законченное на данном этапе, логично структурированное филологическое исследование, выполненное на высоком научно-методическом уровне, имеющее **теоретическую и практическую значимость**.

Однако в ходе изучения работы у нас возникло несколько вопросов, частных замечаний и рекомендаций, которыми хотим поделиться:

1) Вызывает сомнение выделение детской былички как самостоятельного жанра (с. 43 и далее) в отличие от страшилки-былички. Почему недостаточно указания на бытование «взрослой» (классической) былички в детской среде? Известно, что дети исполняли былины, сказывали сказки, пели календарные песни и т.п., конечно же, адаптируя тексты, но не более того. В данном случае можно отметить влияние поэтики страшилки на быличку в детском репертуаре (например, появление цветового эпитета), но это не повод говорить о самостоятельном жанре. Не попытка ли это искусственно разветвлять жанровую систему?

2) На с. 45 автор пишет: «Жанр собственно вызываний, состоящий из двух компонентов – инструкции по вызыванию и самого обряда вызывания, – мы

относим уже к области детского обрядового фольклора...» В области обрядового фольклора всегда считалось наоборот: жанр является неотъемлемой частью обряда, фольклорные тексты формируют вербальный код обряда.

3) В подпараграфе о персонажах «страшного» повествовательного фольклора (с. 76–80) автор излагает и обобщает мнения других исследователей, а вместо выражения своего – загадочно отсылает к своей модели указателя. То есть предполагается, что читатель диссертации должен сам сопоставить указатель с этой характеристикой персонажей и сделать выводы? На наш взгляд, такие недомолвки недопустимы.

4) На с. 105–106 речь идет о «фактических» воспоминаниях участников о проведении вызываний (в отличие от мифологизированных рассказов). На наш взгляд, часть из них, где в развязке повествования есть эффект обманутого ожидания, а страшное и таинственное оборачивается смешным и приземленным (именно такой текст об отсутствии туфелек у Золушки цитируется), можно было бы квалифицировать как «антивызывания» по аналогии с антистрашилками и антипугалками. Это как предложение.

5) С. 145. Мы категорически против отнесения категории «анонимность» к фольклору, во всяком случае традиционному. Его характеризует принципиальное отсутствие автора, а скрыть то, чего нет, как известно, нельзя. В случае интернет-фольклора по-другому: граница между авторским индивидуальным «низовым» творчеством (как раз оно анонимно, т.к. автор скрыт под «ником» или просто не подписывается) и собственно фольклором, вошедшим в традицию, зыбкая. То есть, на наш взгляд, отсутствие автора / анонимность – один из водоразделов традиционной / сетевой народной словесности.

6) На с. 160 сказано: «Если в устной традиции страшные истории были призваны выполнять в первую очередь предостерегающую, воспитательную, образовательную и психотерапевтическую функции, а потом уже развлекательную и эстетическую...» Между тем о воспитательной и образовательной функциях ранее речь не шла вовсе.

7) На с. 174 говорится о неких «историях из жизни», «ассоциируемых с крипипастой» самими носителями традиции. Этому посвящен один абзац без текстовых примеров, поэтому мы можем ошибаться, но по описанию и перечислению мотивов ничто в этих рассказах не противоречит жанру былички – почему же их так не назвать? Былички вполне могут тоже «жить» в сети, а традиционный круг демонологических персонажей может пополняться новыми.

8) По второй главе (о «страшном» в сети Интернет) недостает результатов включенного наблюдения или анкетирования по вопросу о том, какие из типов историй и у кого из носителей вызывают страх, какие – смех и т.п., т.е. каких-либо комментариев об эмоциональной стороне восприятия.

9) Наконец, научный стиль изложения кое-где перебивается включением не завышенных и поданных без каких-либо оговорок разговорных, просторечных, жаргонных выражений и фраз, например: «Про остальные же жанровые разновидности вообще говорить как-то не принято, какой уж там указатель» (с. 65); «у всех у них свои причуды и характер» (с. 110); «плагиатить образы» (с. 148); «цепляющие истории» (с. 162); «не страшные и жуткие, а кавайные и няшные, вызывающие желание их косплеить» (с. 189); «новички тут же начинают заимствовать контент с ещё неисчезнувших старичков» (об интернет-ресурсах) (с. 218) и т.п.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 10.01.09 – «Фольклористика» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Автореферат и публикации автора полно и точно отражают основные положения диссертационного исследования.

Таким образом, соискатель Мирвода Татьяна Александровна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.09 – «Фольклористика».

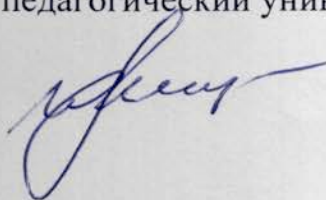
Официальный оппонент:

Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русской литературы,
заместитель директора по научной работе

Института гуманитарных наук

ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»

РАЙКОВА Ирина Николаевна

13 марта 2020 г.

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

10.01.09 – «Фольклористика»

Адрес места работы:

129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4

ГАОУ ВО МГПУ, Институт гуманитарных наук

Тел.: +7(499)181-59-89; e-mail: RaykovaI@mgpu.ru

Подпись сотрудника ГАОУ ВО МГПУ

И.Н. Райковой удостоверяю:

